

УДК 93/94

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Балгашев Жанибек

zhanibek.baltashev1998@gmail.com

магистрант 1 курса, ЕНУ имени Л.Н.Гумилева

Научный руководитель – доцент Ерменбаева Г.К.

История повседневности (everyday life history, Alltagsgeschichte, histoire de la vie quotidienne) - новая отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. Концентрирует свои усилия новый подход в комплексном изучении повторяющегося, «нормального», обыденного и привычного, формирующего образ жизни у самых разных категорий общества и их представителей, подразумевая также и эмоциональные реакции на жизненные события и явления, мотивы поведения тех или иных единиц социума. Все эти термины характеризуют то, что все, относящиеся к категории повседневного, привычно, «ничем не примечательно, имеет место изо дня в день» [1, с.162]. Мы все живем в повседневном мире; повседневные, а потому малозаметные в своей привычности явления окружают нас, и каждый из нас полагает, что

может точно судить о них и о предмете в целом. Однако реконструкция повседневности не так проста: во-первых, эта сторона действительности очень широка, всеохватна, во-вторых, у историка часто нет источников (или слишком много) относимых именно и только к ней. Почему же необходимо научное знание повседневности? Повседневность – первична, безусловна для всех людей, везде и всегда, хотя и неоднородна, неодинакова по содержанию и значению. В понимании философа она – «природно-телесное и лично-общественное бытие/поведение человека, необходимая предпосылка и общий компонент всех остальных форм людской жизнедеятельности» [2, с.22].

В начале XXI века можно утверждать, что история повседневности окончательно конституировала свой статус в качестве самостоятельной отрасли исторического знания. Причем она находится в поле зрения ученых, занимающихся проблемами теории и методологии истории, историей истории исторической науки, а также и различными проблемами собственно исторических исследований [3].

История повседневности это один из самых актуальных подходов к изучению исторического прошлого. В западной историографии основные подходы к пониманию истории повседневности были сформированы в XX в. представителями германо-итальянской школы микроисториков и французской исторической школы, сложившейся вокруг журнала «Анналы». Однако полноценное признание обыденного и повседневного в уже постсоветском пространстве состоялось в 1990-е гг., когда вышли в свет работы В.А.Лекторского и И.Т.Касавина о вненаучном мышлении, статьи и книги В.Г.Федоровой о повседневных истоках любого познания [4]. Фактически до 90-х гг. прошлого века в отечественной науке по большей части доминировало внимание к «героическим» аспектам истории. В условиях историко-политической направленности изучения деятельности властных структур в целом либо отдельных советских лидеров история жизни простого, или, как говорят «маленького» человека, оставалась в тени. В наши дни история повседневности входит в число модных, часто обсуждаемых тем на научных конференциях. Смысловая наполненность «повседневного» может интерпретироваться в строгой зависимости от ощущений индивида, в ней живущего, и от социальных факторов, влияние которых под силу проанализировать этнографу, социологу, историку. В настоящее время на всем постсоветском пространстве наблюдаются процессы переосмысления истории, выдвижения новых подходов и методологии в изучении прошлого. Тем не менее, повседневность как важное социально-общественное явление изучено недостаточно. Часто повседневность представляют как быт людей. Однако, такой подход некорректен. Например, человеческий труд также повседневен, и в манере работать отражаются особенности исторического бытия целого сообщества. Одним из выдающихся исследователей дореволюционного периода обратившихся к специфике трудовых приемов русского народа был А.Н. Энгельгардт [5]. Независимо от представления о повседневности, подходов к ее изучению, можно утверждать, что ее структуру составляют труд, быт и отдых, проходящие в материальном пространстве человеческого бытия. Повседневность всеобъемлюща, и даже такие уникальные в рамках жизненного опыта индивидуума события, как рождение и смерть, в масштабах сообщества являются повседневными, что подтверждается существованием устойчивых традиций и ритуалов.

В последнее время среди исследователей повседневности раздаются голоса о необходимости включения в состав истории повседневности как одного из направлений исторической науки, повседневного мышления. С этим нужно согласиться. Однако представляется, что повседневное мышление сугубо индивидуально (в отличие от национального характера, существование которого многими тоже отрицается) и не поддается точному изучению [6]. Специалист по истории XX в. имеет возможность обратиться к методу устной истории как тесно связанного с историей повседневного мышления отраслью прошлого. Сбор и запись «жизненных историй», интервью всех видов являются не просто сбором материала, но, в ряде случаев, созданием нового вида источника - «вторичного» [7]. Занимаясь историей повседневности, мы изучаем историю целого народа, «молчащего большинства», практически не оставившего письменных следов. Особенно это свойственно

нашей стране в период 1930-х — начала 1950-х гг., когда хранение каких-либо следов прошлого, вплоть до старых номеров газеты «Правда», могло быть смертельно опасно. Но даже и люди, от которых сохранились дневники, письма или иные письменные следы, не слишком склонны были запечатлевать на бумаге свои подлинные мысли. Трудно сказать, насколько адекватно документы личного происхождения отражают подлинные настроения личности и общества. Публикаторы дневников и воспоминаний нередко сталкиваются с вырезанными «под корень» многими страницами или отсутствием целых тетрадей; в этом смысле характерны весьма откровенные дневники Л. Шапориной [6]. В советской историографии к воспоминаниям как к источнику было принято обращаться, в основном, тем, кто изучал историю Великой Отечественной войны.

На повседневное сознание кроме жизненного опыта, реальных условий жизни, несомненно, оказывали влияние тотальная пропаганда, а также порожденное ими так называемое общественное мнение, влияние окружения. «Массовый человек» оперирует устойчивыми категориями, штампами, внедряемыми в его сознание, с которыми вступают в противоречие реальные условия его жизни. Характерной стала двойственность повседневного мышления. «Критически мыслящие личности», думавшие вопреки пропаганде и общественному мнению, стали довольно редким феноменом, вынужденным скрывать свои оценки действительности [8].

Структурируется и такая составляющая повседневности, как быт. Несмотря на то, что особенностью постсоветского понимания истории повседневности является ее отнесение к разделу культурологии или даже почти этнологии, а потому при исследовании повседневного пользуются этнологическими методами и приравнивают ее к истории быта. Однако соотношение истории быта (как предмета этнографических описаний) и истории повседневности (как нового направления именно в исторических исследованиях) не столь однозначно просто и категория быта в исторических исследованиях на современном этапе имеет ряд особенностей. Быт как отдельную категорию исторического исследования можно разделить на быт индивидуальный, быт семейный и быт общественный. Последний, как и другие формы повседневности, во многом регулируется законодательными нормами, социальным строем, общественными представлениями о том, что можно и что недопустимо, и т.д. Индивидуум и сообщество в целом постоянно ощущают на себе тяжкую длань государства и разными способами, осознанно или нет, в той или иной мере приспособляются к этому давлению. Политический строй, идеология, социальный строй, экономика, ее состояние формируют очень многие стороны повседневной жизни, в том числе, казалось бы, такие автономные, как психология и даже язык [8].

Учитываться должна и социальная, точнее, социокультурная структура сообщества. На первый взгляд, после уничтожения сословного строя и классовых различий советское общество представляется аморфным, единым. Действительно, вычленение классов рабочих, крестьянства (колхозно-совхозного) и «прослойки» интеллигенции было чисто формальным. Различались только формы и характер труда. Быт и отдых рабочего в маленьком провинциальном городе или на окраине большого города, жившего в индивидуальном доме с огородом и скотиной на дворе, практически не отличались от жизни рабочего совхоза, колхозника, мелкого служащего, учителя и пр. Тем не менее общество структурировалось, и особенности социокультурных групп заключались прежде всего в потреблении, в основе которого лежала так называемая закрытая торговля, распределение: существование спецраспределителей, закрытых буфетов, ОРСов и пр., в доступе к «дефициту» [8].

Тем не менее при изучении такого сложного и многогранного аспекта исторического прошлого как повседневная история возникают трудности. Существенной проблемой для исследования повседневности любого характера является методологическая проблема поиска источников. Для дореволюционного периода важнейшим источником являются дневники, переписка и воспоминания. Как уже говорилось, мемуары советского периода единичны. А воспоминания типа труднодоступных читателю книг Геннадия Русского или О. Куратова, наполненные богатейшим фактическим материалом, вообще уникальны [9]. Это существенно

усложняет процесс формирования картины повседневной жизни советской эпохи. Художественная и очерковая литература, в дореволюционный период хорошо отражавшая характер повседневности, в советское время выполняла идеологические функции, а «мелочей» жизни вообще почти не касалась. Лишь с середины 1950-х гг. и то в основном у писателей-«деревенщиков», начиная с очерков-повестей В. Солоухина («Владимирские проселки», «Капля росы»), она становится более информативной и достаточно объективной [10]. Советская статистика, особенно там, где она касалась таких существенных сторон повседневной жизни, как зарплата, пенсии, цены, уровень обеспечения торговли, не слишком надежна. Незначительно отражают характер повседневной жизни источники законодательные и материалы официального делопроизводства, исключая разве что «Прейскуранты розничных цен» и «Предельные нормы отпуска продовольственных и промышленных товаров в одни руки», висевшие в каждом магазине. Так, выяснить с нужной степенью точности особенности пенсионного обеспечения до появления закона 1956 г. практически невозможно. Плохо обстоит дело и с историографией: исследованиями не охвачены многие важные страницы советской жизни. Например, абсолютно «белым пятном» является история беженства во время Великой Отечественной войны: недаром в энциклопедии «Великая Отечественная война» слово «беженцы» присутствует только в названии статьи «Беженцы и перемещенные лица» [11]. Представляется, что с уходом из жизни людей старшего поколения, переживших не то что 1930-е гг. и войну (их практически уже не остается), но и послевоенный период, история повседневности начнет превращаться в «терра инкогнита». И здесь может быть огромной роль «устной истории», с чего, собственно, началось изучение истории повседневности в Германии.

Список использованных источников

1. Словарь русского языка в 4 тт. Т. 3. -М., 1983. С. 162
2. Касавин И.Т. Щавелев С.П. Анализ повседневности. М., 2004. С.22.
3. <file:///C:/Users/1/Downloads/istoriya-povsednevnosti-nekotorye-aspekty-genezisa-i-evolyutsii-otrasli-istoricheskoy-nauki.pdf>
4. Лекторский В.А. Научное и вненаучное мышление: скользящая граница // Научные и вненаучные формы мышления. -М., 1996; Касавин И.Т. (ред.) Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. -М., 1990; Федорова В.Г. Практическое и духовное освоение действительности.-М., 1991
5. Энгельгардт А. Н. Письма из деревни. 12 писем.- М.: Наука, 2002
6. Шапорина Л. Дневники. -М., 2011.
7. Курносоев А.А. Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР // Археографический ежегодник. 1973. -М., 1974.
8. <file:///C:/Users/1/Downloads/metodologicheskie-aspekty-izucheniya-istorii-sovetskoy-povsednevnosti.pdf>
9. Русский Г. Ребенок в войне.М., 2002; Русский Г. Подросток в войне и после войны. М., 2004; Куратов О. Хроники русского быта 1950–1990 гг. М., 2004.
10. Солоухин В. А. Лирические повести. -М., 1964.
11. Великая Отечественная война. 1941–1945: Энциклопедия. -М., 1985.